

*Посвящается Тому с благодарностью
за все сладкое и горькое.
С любовью, Д. С.*

Никогда не отказывайтесь от своей
мечты. Где-нибудь, когда-нибудь, как-
нибудь вы ее найдете...

ЧАСТЬ I

Глава 1

Когда-то этот объектив видел гватемальских повстанцев и извержение вулкана, чудовишной силы наводнение и захватывающие события в джунглях Кении. Ох, это было блестящее время! Восторг, волнение и то редкостное состояние, когда в момент нажатия кнопки затвора чувствуешь — удача, удача! Вновь ее пестрые крылья шелестят над твоей головой, Глэдис Уильямс. Глэдис Тейлор, почтенную замужнюю даму и мать четверых детей, это чувство давно не посещало. О, конечно, талант ее остался при ней, но теперь лучший объектив Америки был нацелен на группу девятилетних мальчишек, которые толпой гонялись за футбольным мячом по лужайке стадиона. Вот наконец и настоящая куча-мала — руки, ноги, головы — фантастика, но все целы и невредимы. Глэдис знала, что где-то там, в самом низу, находится ее младший сын Сэм. На всякий случай она шелкнула затвором и быстро переменяла кассету. Она обещала сыну классные фотографии и теперь вовсю тратила пленку. Слава богу, профессию она знала не понаслышке. Чтобы получить один удачный кадр, изведешь порой мили пленки. Но уж и результаты у Глэдис были таковы, что жалеть о потерянном времени не приходилось. Она была рада возможности провести сегодняшний теплый майский вечер в одном из парков Уэстпорта, наблюдая за азартной игрой мальчишек, среди которых был и ее Сэм, и вдобавок заняться любимым делом.

Да, теперь у Глэдис было четверо детей в возрасте от девяти до четырнадцати лет, и, значит, она жила в мире

забот, сопутствующих такому положению вещей. Футбол, бейсбол, плавание и теннис, балетные классы дочерей и, стало быть, бесконечные поездки с детьми на автомобиле туда и оттуда, и еще раз туда. Если учесть еще всю необходимую детям медицину, получалась жизнь на колесах. Правда, возили детей везде по очереди, договариваясь с соседями, создав так называемый автопул, но все равно однообразие такой жизни не то чтобы утомляло, но все-таки в душу безразличие и апатию.

Но упаси вас бог подумать плохо: Глэдис Тейлор любила своих детей и мужа и почти не тяготилась положением домашней хозяйки. Правда, в ранней молодости она вряд ли представляла себе, что судьба ее сложится именно так. То, о чем они с Дугласом когда-то мечтали, так и не сбылось. С возрастом обоим стало понятно, что это были просто красивые, романтические сказки, не имеющие никакого или почти никакого отношения к реальности. Зато теперь они твердо знали свое место в этой жизни. Все, о чем они думали и на что надеялись, когда двадцать лет назад впервые встретились в Коста-Рике, в американском Корпусе мира, осталось далеко в прошлом.

Лишь изредка Глэдис приходило в голову, что жизнь, которую она вела, стала такой только потому, что этого хотел Дуг. Он всегда умел добиваться своего. Грех жаловаться, на семнадцатом году супружества у них был большой дом в Уэстпорте, солидная страховка, счет в банке, четверо детей и лабрадор-ретривер. И ничего иного Дуг не желал. Каждое утро, в одно и то же время, он ехал на службу в Нью-Йорк, встречался там с одними и теми же людьми, работал с одними и теми же бумагами и чувствовал себя превосходно. Зарабатывал Дуг вполне прилично — он был старшим клерком в крупной маркетинговой фирме, и Глэдис могла позволить себе не думать о деньгах. Впрочем, они никогда не занимали ее мыслей. У нее были другие предметы страсти.

Те далекие дни в Корпусе мира Глэдис всегда вспоминала с легким чувством ностальгии, и вовсе не потому, что

тогда она была моложе. Просто ей нравились трудности, а особенно сознание того, что она делает что-то важное, что может принести человечеству пользу. И опасности, с которыми ей тоже приходилось сталкиваться, только подогревали ее пыл.

Фотографировать Глэдис начала рано — где-то на грани юности и детства. Обращаться с камерой научил ее отец, который работал специальным корреспондентом «Нью-Йорк таймс». К сожалению, видаться им приходилось достаточно редко, поскольку большую часть времени Джек Уильямс проводил вдали от дома, выполняя то или иное рискованное задание редакции. Глэдис безумно нравились отцовские фотографии, а еще больше истории, которые он рассказывал. Она грезилась о немыслимых приключениях, но ее мечтам суждено было сбыться только после того, как Глэдис вступила добровольцем в Корпус мира и стала посылать свои снимки в газеты.

Ей удалось создать себе имя. Газеты сами стали поручать ей важные задания. Выполняя их, Глэдис сталкивалась то с бандитами, то с партизанами, которые почти ничем не отличались друг от друга, но она не задумывалась о степени риска. Глэдис наслаждалась тем особым чувством края бездны, так хорошо знакомым гонщикам, канатоходцам или серфингистам. Впрочем, и специально под пули она никогда не лезла. Глэдис завораживала смена лиц и мест, пестрая сумятица вечной новизны, когда ничего не усиливает радость. Работа приносила ей подлинную, ни с чем не сравнимую радость и ощущение неограниченной свободы.

Должно быть, именно поэтому — даже после того, как истек срок контракта с Корпусом мира и Дуг вернулся в Штаты, — Глэдис осталась в Центральной Америке. Она провела там еще несколько месяцев и подготовила несколько блестящих фоторепортажей. Потом за какой-нибудь год с небольшим она ухитрилась побывать чуть ли не во всех «горячих точках» планеты. Глэдис снимала, снимала, снимала. Должно быть, это было у нее в крови, в серд-

це, в душе, и противостоять этому тройному зову Глэдис не могла.

Дуглас был совсем другим. Он не бежал от опасности, но для него поездки Глэдис были просто приключением, то есть годились только в бурной молодости. Все мы отдаем дань сумасбродствам. Дуг стремился к тому, что он называл «реальной жизнью». Даже работу в миссии Корпуса мира он считал лишь этапом на пути к настоящему и гораздо более важному делу.

Для Глэдис реальной жизнью была фотография.

Карьера ее продолжала идти в гору. Она прожила два месяца в лагере гватемальских инсургентов и вернулась в Штаты с потрясающими фотографиями. Так пришло международное признание. Впервые в жизни Глэдис даже получила несколько премий и призов, в том числе приз за мастерство, за художественность и за личное мужество.

Впоследствии, оглядываясь на те беспокойные годы, Глэдис думала, что тогда она была совсем другой. Удивительно, что делают с человеком обстоятельства. Куда девалась та женщина — бесстрашная и неистовая, чей свободный дух и страстность проявлялись в любом деле? Ну да ведь и жизнь ее стала теперь совершенно иной. Но у Глэдис не было ни малейшего сомнения, что вот эта ее жизнь с Дугом и есть то самое, о чем любая женщина может только мечтать. Все, что она делала для него и для детей, было не менее важным, чем все фоторепортажи и серии снимков, которые она привозила из Анголы, Коста-Рики, Непала и Камбоджи. Талант, принесенный в жертву? Нет, нет и еще раз нет! Она не бросала и не предавала своих достижений — просто она обменяла это на что-то совершенно другое. Любовь мужа — разве этого не достаточно?

Да, Глэдис пережила когда-то эти волнующие моменты, но она сумела преодолеть свою зависимость от них. Это ведь сродни привычке наркомана к сильнодействующему наркотику. Такое пристрастие она, несомненно, унаследовала от отца, который погиб в Дананге, когда ей было

пятнадцать — через год после того, как получил Пулитцеровскую премию за серию вьетнамских репортажей. Возможно, именно это и определило ее будущее на ближайшие несколько лет, ибо Глэдис просто не могла не пойти по стопам отца. Тогда это было главным. Перемены в ее жизни наступили позже, гораздо позже.

В Нью-Йорк Глэдис вернулась, проработав полтора года в разных «горячих точках» и объехав буквально весь мир. И тут же получила от Дугласа форменный ультиматум. Он заявил, что, если она действительно хочет связать с ним свою жизнь, пора перестать «подставлять свою голову под пули» в джунглях Кении или в горах Пакистана. Жить и работать они будут в Нью-Йорке.

Решиться на это Глэдис было непросто. Кочевая, неустроенная жизнь фотокорреспондента была для нее единственной приемлемой формой бытия. К тому же — втайне ото всех — Глэдис мечтала о том, что когда-нибудь она тоже получит Пулитцеровскую премию. Но, с другой стороны, во многом Дуглас был прав. Карьера фотографа разрушила семейную жизнь ее отца и в конце концов стоила ему жизни. Ради удачного снимка он готов был лезть к черту на рога. За пределами его работы для Джека Уильямса не существовало ничего или почти ничего. В сущности, Дуглас просто напоминал Глэдис о том, что если он все еще ей нужен, то она должна в конце концов выбрать между ним и фотографией, между нормальной жизнью и бесконечными скитаниями. Вот и все.

В двадцать шесть лет Глэдис вышла за Дуга замуж и еще два года работала на «Нью-Йорк таймс», делая обозрения и репортажи на местном материале. Дуглас не считал семью без детей полноценной, а Глэдис очень любила Дуга. Родилась Джессика. Глэдис оставила работу в газете и переехала с дочерью и мужем в Коннектикут, окончательно порвав с прежней жизнью.

Это было что-то вроде сделки — сделки, на которую Глэдис согласилась добровольно. Когда они поженились,

Дуг поставил условие: как только появятся дети, она должна будет оставить карьеру фотографа. И Глэдис не возражала. Тогда ей казалось, что к этому времени она будет готова изменить свой образ жизни и превратиться в солидную даму. Все вышло не совсем так, но в то время ей просто некогда стало думать. Заботы о дочери отнимали у нее почти все свободное время. Глэдис еще продолжала тосковать по своей работе в «Нью-Йорк таймс», пусть она и не шла ни в какое сравнение с прежней разъездной жизнью.

Но дальше... дальше в течение пяти лет Глэдис родила четверых детей, и забот у нее стало столько, что некогда было перевести дух. Какая там, к черту, фотография. Пеленки, кормления, первые зубки, больные уши, ясли и беспрерывные беременности — ничто другое не тревожило ее мысли. Акушерка и педиатр стали для нее едва ли не самыми близкими людьми, во всяком случае, встречалась она с ними гораздо чаще, чем с кем-либо еще. Несколько позднее она включала в круг общения других женщин, чьи жизни вращались исключительно вокруг детей. Многие из них тоже когда-то оставили многообещающую карьеру или интересную работу, посвятив все свое время детям, и теперь терпеливо ждали, пока их отпрыски немного подрастут, чтобы вернуться к своим прежним занятиям. Мало кто среди этих приятельниц мог выкроить хотя бы несколько часов в день, чтобы отдаться любимому занятию. Некоторые частенько сетовали, что время уходит чуть ли не зря, но Глэдис никогда не жаловалась. Она, конечно, скучала и была бы рада даже обычным пейзажным съемкам, но решение было принято, и надо его выполнять. Глэдис обладала достаточно твердым характером, чтобы не бросать обещаний на ветер. Да и, честно говоря, Глэдис любила возиться с детьми, хотя к вечеру она обычно чувствовала себя выжатой как лимон. Все-таки четверо за пять лет — это не шутки. Особенно тяжело приходилось, когда она в очередной раз оказывалась в положении.

Но она сама выбрала это. Чего Глэдис не понимала, принимая столь важные решения, так это того, как далеко от прежней жизни уведет ее рождение Джессики. Материнство было для нее понятием довольно отвлеченным, поэтому она просто не представляла себе, насколько сильно все изменится. А когда она очнулась, скинув бремя бесконечных прогулок, купаний, кормлений и ночных бдений у очередной кроватки, то оказалось, что серьезные изменения произошли в ней самой. Сейчас Глэдис сама не захотела бы каждый день оставлять детей, чтобы отправляться на работу. Правда, время от времени — не чаще, чем один или два раза в год — она все же делала кое-какие репортажи по заказам местных или нью-йоркских газет, однако эти съемки не были связаны ни с опасностью, ни с дальними, длительными командировками. Оставить семью даже на неделю — нет, на день, даже на несколько часов! — Глэдис не могла физически. Так она и объяснила своему агенту, который продолжал обращаться к ней с самыми лестными предложениями. (В его списке клиентов Глэдис была звездой чуть не самой первой величины.)

В конечном итоге Глэдис приспособила любимое дело к своей новой профессии матери, снимая детей и создавая своеобразную фото летопись семьи. Иного способа не забыть, где у фотоаппарата объектив, для Глэдис просто не существовало. Порой она чувствовала себя скованной по рукам и ногам узницей, запертой в какой-то невидимой, но очень прочной клетке, прутьями которой служили ее ежедневные рутинные обязанности, сами по себе незначительные, но требующие времени и усилий. И все же Глэдис не протестовала, потому что разве не об этом они когда-то договаривались с Дугласом? Но куда бы она ни шла, куда бы ни ехала, фотоаппарат постоянно был у нее в руке, висел через плечо или, в крайнем случае, лежал рядом на сиденье машины. Без него Глэдис чувствовала себя так, словно у нее поехал чулок или потекла тушь.

Иногда она позволяла себе помечтать о том, что когда-нибудь, когда дети вырастут, она сможет вернуться к про-

фессиональным съемкам, но никаких конкретных сроков Глэдис не ставила. Быть может, рассуждала она, лет через пять, когда Сэм уже будет в старших классах, тогда... Пока же это было совершенно невозможно. Сэму только-только исполнилось девять, Эйми — одиннадцать, Джейсону — двенадцать, и Джессике — четырнадцать. И Глэдис металась между ними как угорелая.

Единственной возможностью немного перевести дух были для Глэдис поездки на мыс Код, где они каждый год проводили летние каникулы. Это время она считала едва ли не самым беззаботным в году. Именно на побережье Глэдис сделала свои самые лучшие детские фотографии, а благодаря тому, что дети целыми днями пропадали у моря, у нее появлялись свободные часы. В коттедже, который они снимали на протяжении нескольких лет, Глэдис оборудовала небольшую фотолабораторию. И, блаженствуя, проявляла там только что отснятые пленки или печатала снимки. Кроме того, на даче — коттедж на мысе Код они в шутку называли «дачей» и считали почти своим — Глэдис очень редко садилась за руль, поскольку в большинство мест здесь можно было попасть пешком или на велосипеде. Даже младшего Сэма Глэдис не боялась отпускать на велосипедные прогулки, поскольку курорт слыл местом тихим и безопасным, да и Сэм уже не требовал постоянного присмотра.

Дети потихоньку росли, и, глядя на них, Глэдис чувствовала, как сердце ее сжимается от радости и гордости. Но вот насколько выросла за это время она сама? Частенько Глэдис жалела о книгах, которые не прочла за недостатком времени, и смущалась, когда при ней обсуждали какое-то политическое событие, а она о нем понятия не имела (к политике Глэдис уже давно утратила всякий интерес). Порой у нее появлялось такое ощущение, будто весь мир продолжает идти куда-то, в то время как она остается на месте. Жизнь ее практически не менялась с тех пор, как у нее родилась Джессика. Эти четырнадцать лет были долгими и трудными,

состоящими из жертв, компромиссов и постоянного душевного напряжения, зато результат... Результат тоже получился зримым, осязаемым, реальным, и у Глэдис были все основания гордиться собой. Ее дети были здоровы и довольны. Они росли в уютном, маленьком мире, окруженные любовью и заботой. Им ни разу не угрожала никакая серьезная беда, и даже обычные мелкие неприятности были в их жизни большой редкостью. Самым страшным, что могло с ними случиться, была ссора с соседским ребенком, выволочка за потерянную домашнюю работу, расцарапанное колено или разбитый нос. А главное — и это было большой заслугой Глэдис, — ни один из ее четырех детей понятия не имел о том, что такое одиночество. Что бы ни случилось, каждый из них непременно получал свою порцию утешений, ласки или строгих родительских внушений. Дуг каждый день возвращался домой, и это поддерживало создавшуюся в доме атмосферу стабильности и уверенности в завтрашнем дне. Именно этого когда-то очень не доставало самой Глэдис. Отец ее постоянно находился в разъездах и возвращался домой редко и ненадолго.

Вот такие мысли проносились в голове Глэдис. А между тем Сэм, выбравшись из куча-мала, ринулся к воротам соперника и забил эффектный гол. Она едва успела дважды нажать на затвор. Сын исчез, скрытый спинами товарищей, которые со всех сторон обступили его, поздравляя с удачей.

Невольно улыбнувшись, Глэдис еще раз нажала на кнопку спуска и отошла к скамьям, где, оживленно переговариваясь, расположились еще несколько матерей. Никто из них не следил за игрой — все были слишком увлечены беседой. И ничего удивительного в этом не было: спортивные состязания давно уже не были им в новинку, поэтому они не уделяли особого внимания тому, что происходило на поле. Они просто были рядом, составляя такую же неотъемлемую принадлежность стадиона, как скамьи, на которых они сидели.

Когда Глэдис подошла, одна из женщин, увидев ее, повернулась, освобождая место. Это была довольно близкая подруга Глэдис по имени Мэйбл Джонс. В руке у Мэйбл был картонный стаканчик с кофе. День выдался теплым, однако Глэдис несколько не удивилась, увидев пар над стаканчиком. Мэйбл признавала только очень горячий кофе — и зимой, когда, гуляя с детьми, им приходилось при-топывать ногами, чтобы не замерзнуть, и в самую жаркую летнюю пору.

— Еще три недели, и школе конец. По крайней мере — на этот год, — промолвила Мэйбл, делая большой глоток капучино. — Как же я ненавижу эти мужские игры на свежем воздухе! Почему бог не послал мне девочек? Хотя бы одну девочку. Эти бутсы, гетры и штитки в конце концов сведут меня с ума!

Глэдис улыбнулась. Жалобы Мэйбл — дело привычное. У ее подруги было трое детей. Двое близнецов — ровесники Сэма, и в последние девять лет Мэйбл только и делала, что сетовала на свою судьбу. Ей пришлось оставить работу адвоката по гражданским делам.

— Поверь мне, лучше футбол, чем балет, — со знанием дела сказала Глэдис. Как раз этой весной ее Джессика бросила балетную школу, в которой занималась с шести лет, и Глэдис все еще не знала, радоваться этому или огорчаться. Она чувствовала, что ей еще долго будет не хватать репетиций и концертов, но возить дочку трижды в неделю в балетный класс тяжело. Впрочем, теперь Джессика увлеклась теннисом и тренировалась с завидным рвением. Надо сказать, Глэдис только выиграла от этого. На корты Джессика ездила на велосипеде, благо они находились совсем недалеко от дома.

— По крайней мере, для того чтобы заниматься футболом, не надо постоянно мотаться в Нью-Йорк, — пояснила Глэдис свою точку зрения.

— Зато балетные тапочки и пачки выглядят гораздо эстетичнее, чем залепленные грязью шорты и раздрызган-

ные бутсы, — с усмешкой ответила Мэйбл и встала, увидев, что Глэдис и не думает садиться. — Пойдем пройдемся немного.

Глэдис кивнула. Они с Мэйбл подружились, еще когда семья Тейлоров была ровно вдвое меньше, чем сейчас, и только-только переехала в Уэстпорт из Нью-Йорка. Мэйбл тогда тоже только что родила (ее старшему сыну, как и Джессике, было четырнадцать), и молодые матери легко сошлись на этой почве. Правда, Мэйбл попыталась вернуться к своей работе, но пять лет спустя она родила двойню, и пришлось полностью посвятить себя домашним заботам. Теперь Мэйбл была уверена, что не сможет работать даже простым нотариусом. С тех пор когда она в последний раз открывала справочники по гражданским делам, прошла «чертова уйма лет». Мэйбл была на пять лет старше Глэдис, вот-вот сорок девять, и начинать все с самого начала ей было бы очень и очень трудно. Впрочем, сама Мэйбл не раз заявляла, что не желает «на старости лет» проводить все свободное время в зале судебных заседаний. Единственное, чего ей по-настоящему не хватает, это «умного разговора». В минуту откровенности она как-то призналась Глэдис, что ее положение отнюдь ее не угнетает. Гораздо удобнее не работать, благо заботы о благосостоянии семьи она свободно могла переложить на плечи мужа, зарабатывавшего неплохие деньги в ежедневных финансовых битвах на Уолл-стрит. И все бы хорошо, но Мэйбл постоянно сжигало изнутри какое-то внутреннее беспокойство, природу которого Глэдис было трудно объяснить.

— Ну что, Глэд? — приветливо спросила Мэйбл, на ходу допивая свой кофе и бросая стаканчик в урну. — Как тебе живется в твоём материнском раю?

— Как обычно. — Глэдис слегка пожала плечами. — Дел по горло.

Они медленно шагали по дорожке вдоль края футбольного поля, и Глэдис, не перестававшая следить за игрой,

вдруг остановилась, чтобы сделать еще один снимок. Сэм забил второй гол, но лицо у него было недовольным — его команда проигрывала. Глэдис решила, что этот снимок вряд ли понравится сыну. «Что ж, такова неприкрашенная правда жизни, — подумала она. — Проигрывать тоже надо уметь!»

— Вот закончатся занятия, — продолжила она, опуская фотоаппарат, — и мы все поедem на мыс Код. Кроме Дуга — у него, как всегда, дела, и он присоединится к нам позже.

— А мы, наверное, поедem в июле в Европу, — сообщила Мэйбл, и на мгновение Глэдис испытала приступ зависти, хотя в голосе подруги не прозвучало ничего похожего на воодушевление. Глэдис давно пыталась уговорить мужа совершить путешествие в Старый Свет, однако он неизменно отвечал, что хочет подождать, пока дети станут немного постарше. Все они скоро отправятся в колледж, говорила ему в таких случаях Глэдис, и нам придется ехать одним. Ей так и не удалось убедить Дугласа. За прошедшие семнадцать лет он сделался настоящим домоседом и не любил уезжать куда-то далеко от дома. Те дни, когда его привлекала романтика палаточных городков, давно миновали.

— Звучит неплохо, — сказала Глэдис, поворачиваясь к Мэйбл.

Две женщины представляли собой резкий контраст. Мэйбл была миниатюрной, очень подвижной, с короткими черными волосами и глазами цвета шоколада. Глэдис, напротив, была высокой, стройной и гибкой, с классическими чертами лица, глазами темно-голубого цвета и длинными золотистыми волосами, которые были заплетены в толстую косу. (Глэдис часто шутила, что и не расплетает ее никогда, некогда расчесывать свою гриву.) Обе были очень красивыми женщинами, и ни одна из них не выглядела даже на сорок.

— А куда именно вы собираетесь ехать? — уточнила Глэдис, не скрывая своего интереса.

— В Италию и Францию. Может быть, заглянем на пару деньков в Лондон... — Мэйбл вздохнула. — Скучноватая программа, но ничего не поделаешь: когда путешествуешь с детьми, волей-неволей приходится придерживаться традиционных маршрутов. Кроме того, Джеффу нравятся лондонские театры. — Она немного помолчала, потом добавила: — Мы уже сняли домик в Провансе — там проведем две недели, а потом — на машине в Венецию.

Глэдис снова вздохнула. Ей это путешествие вовсе не казалось скучным. Во всяком случае, оно было намного интереснее жизни на мысе Код, весьма бедной событиями. Но, как справедливо заметила Мэйбл, дети не оставляли никакой свободы выбора.

— Мы проведем в Европе полтора месяца, — продолжила Мэйбл. — Впрочем, не знаю, сумеем ли мы с Джеффом выносить общество друг друга так долго, не говоря уже о мальчиках. Стоит ему остаться с близнецами хотя бы на десять минут, как он начинает звереть!

Мэйбл всегда говорила о муже в таком тоне, как говорят о надоевшем соседе по комнате в общежитии, каждое движение, слово или поступок которого безмерно раздражают. Но все же Глэдис была уверена, на самом деле Мэйбл любит Джеффа.

— Я уверена, что все вы получите настоящее удовольствие. В Европе есть много такого, что следует увидеть хотя бы раз в жизни, — сказала Глэдис, хотя и понимала, что находиться долгое время в одной машине с двумя девятилетними близнецами и четырнадцатилетним подростком было бы нелегко даже ей.

Мэйбл фыркнула:

— Не сомневаюсь, только мне это уже не интересно. Конечно, в Венеции я могла бы познакомиться с красавцем-гондольером, который пригласил бы меня на ночную прогулку по каналам, но разве это возможно, когда у тебя на шее — трое детей и муж. Он, кстати, все время требует, чтобы я ему переводила! Иногда мне кажется, что Джефф

не пропускает ни одного объявления, ни одной похабной надписи на стене — все-то ему надо знать!

Услышав эти слова, Глэдис невольно рассмеялась, но тут же спохватилась и даже покачала головой. Мэйбл любила поговорить о мужчинах, но это еще полбеды. Глэдис знала, что у Мэйбл было несколько далеко не платонических романов. Мэйбл сама рассказывала об этом Глэдис в минуты откровенности, и, говоря по совести, Глэдис не знала толком, как тут реагировать. А заявление Мэйбл, что эти интрижки, как ни странно, укрепили ее брак с Джеффом, повергли Глэдис в настоящее недоумение. Она не понимала, как измена может сделать отношения между супругами более доверительными. Впрочем, ее к подобным эскападам не тянуло; вряд ли Глэдис решилась бы на что-то подобное, даже если бы почувствовала, что их с Дугласом брак дал трещину. Но и легкомыслие Мэйбл она осуждать не могла.

— Может быть, Италия настроит твоего Джеффа на романтический лад, — заметила она, вешая фотоаппарат на плечо, поглядывая с высоты своего роста на маленькую, энергичную, напористую Мэйбл. Именно благодаря своему бурному темпераменту она когда-то блистательно выступала на судебных заседаниях. Глэдис никогда этого не видела, но очень хорошо себе представляла, что творилось в зале суда, когда Мэйбл получала слово. Наверное, она начинала рассыпаться искры вокруг себя. Обмануть или ввести ее в заблуждение с помощью полуправды было нелегко даже ее мужу. Она умела быть верной подругой тем, кто относился к ней серьезно и искренно, и, несмотря на все свои жалобы, оставалась заботливой и преданной матерью.

— Даже переливание крови от венецианского гондольера не способно сделать Джеффа Джонса романтиком, — отрезала Мэйбл. — К тому же дети будут с нами все двадцать четыре часа в сутки, так что особенно не разгуляешься. Кстати, ты слышала, что Льюисоны разводятся?

Глэдис кивнула. Обычно она не придавала особого значения сплетням и слухам. Подробности жизни случайных знакомых занимали ее мало.

— Так вот, Дэн пригласил меня на обед! — с плохо скрываемым торжеством заявила Мэйбл, и Глэдис пристально на нее посмотрела.

— Правда? — спросила она, лукаво улыбаясь.

— И нечего на меня так смотреть! — ответила Мэйбл, притворяясь сердитой. — Ему нужно плечо, чтобы выплакаться всласть, к тому же я ведь юрист. Думаю, Дэн не прочь получить от меня пару бесплатных советов.

— Расскажи это кому-нибудь другому, — сказала Глэдис. Все же она была совсем не глупа и кое-что понимала в том, как устроены мужчины. — Уж я-то знаю, что ты всегда нравилась Дэну.

— И он мне тоже нравится, так что с того? Я подыхаю со скуки, а он, бедняжка, ужасно страдает... Ведь его бросили, предали, фактически выставили из дома! К тому же совместный обед — это такая мелочь. Не ложусь же я с ним в постель! Поверь, слушать, как мужик жалуется на то, что жена его оскорбляет и обманывает, вовсе не так увлекательно. Во всяком случае, меня это не возбуждает. А сейчас Дэн ни на что большее просто не способен. Из достоверных источников я узнала, что он все еще надеется помириться со своей Розали. Я слишком себя уважаю, чтобы служить для кого-то запасным аэродромом.

Но Глэдис, внимательно наблюдавшая за Мэйбл, заметила, что ее подруга оживлена больше обычного, словно вопреки своим собственным словам надеялась закончить обед с Дэном в каком-нибудь мотеле. Если верить Мэйбл, то собственный муж уже давно перестал ее интересовать. Глэдис не очень этому удивлялась. Джефф Джонс, несмотря на свои пятьдесят с лишним лет, был все еще хорош собой, но обладал удивительной способностью распространять вокруг себя скуку. Но Дэн Льюисон?! Нет, это было

ей непонятно. Глэдис подумала, что так и не знает, какие мужчины нравятся Мэйбл.

— Чего же ты хочешь? — спросила она напрямик. — Зачем тебе другой мужчина, пусть даже ты собираешься с ним только пообедать? Что тебе это даст?

Она и в самом деле не понимала. У них у обеих были мужья, дети, жизнь, заполненная до предела. Им не грозила праздность — мать всех пороков. И все же Глэдис часто казалось, что в отличие от нее Мэйбл постоянно находится в поиске, постоянно стремится к чему-то неуловимому и неосвязаемо призрачному.

— Почему я не могу пообедать с Дэном? По крайней мере, это придаст моей жизни некоторую остроту. Даже если этот обед будет иметь, гм-м... продолжение, то мир от этого не рухнет. Все останется как было, и только я буду чувствовать себя иначе. Глэд, я снова после таких историй чувствую себя молодой. Разве ты никогда не скучаешь о своей молодости?

Она повернулась к Глэдис и впиалась в ее лицо таким пристальным взглядом, словно перед ней был адвокат противной стороны.

— Не знаю, — честно ответила Глэдис. — Я об этом как-то не думала.

— А следовало бы, — назидательно сказала Мэйбл. — Иначе в один прекрасный день ты сядешь где-нибудь в уголке и задашь себе слишком много вопросов насчет того, кем ты стала, что потеряла и чего не сделала.

«Может быть, и так», — мысленно согласилась Глэдис. И все же обманывать мужа она не собиралась. Даже для того, чтобы на несколько часов вернуться в молодость.

— Ну, скажи честно, — продолжала допытываться Мэйбл, — неужели ты никогда не скучаешь по той жизни, что была до замужества?

Глэдис снова посмотрела на подругу и наткнулась на ее прямой, ищущий взгляд, требовавший полной откровенности.

— Наверное... — промолвила она, несколько растерявшись. Право же, не было времени думать об этом. — Быть может, мне действительно немного жаль той жизни. Мы с Дугом работали в Коста-Рике и Боливии. Потом я путешествовала по Африке и Азии уже одна. Иногда мне становится не по себе оттого, что я не могу, как прежде, взять фотоаппарат под мышку и отправиться куда-нибудь в джунгли, чтобы снимать, снимать, снимать... Когда-то это так много значило для меня. Неудивительно, что мне теперь этого порой не хватает. Но я нисколько не жалею о мужчинах, которых мне приходилось встречать, — закончила она твердо.

«Покуда Дуг способен ценить, от чего я ради него отказалась...» — мысленно добавила Глэдис.

Мэйбл вздохнула.

— Тогда ты — настоящая счастливица, — сказала она, глядя в пространство, и в глазах ее промелькнуло выражение какой-то непонятной тоски. Впрочем, Мэйбл тут же спохватилась и снова стала прежней — энергичной, напористой и живой Мэйбл. — Кстати, давно хотела тебя спросить, когда ты собираешься вернуться к своей работе? С твоим послужным списком и потрясающими способностями ты могла бы сделать это хоть завтра! Фотоаппарат у тебя есть, чего же еще надо? Ведь фотография — это не юриспруденция, где приходится начинать все с самого начала. Чего ты ждешь?!

— Все не так просто, — ответила Глэдис, качая головой. Она-то хорошо помнила, какая жизнь была у ее матери, которой приходилось подолгу ждать возвращения мужа из какой-нибудь рискованной поездки. Профессия фото-репортера была гораздо труднее и опаснее, чем казалось Мэйбл. Для того чтобы вернуться к ней, Глэдис пришлось бы дорого заплатить — заплатить всем, что у нее было.

— Конечно, — продолжила она, — я могла бы позвонить своему агенту и попросить его забронировать мне место в самолете, который завтра утром вылетает в Бос-

нию. Он будет вне себя от счастья. Но что скажет Дуг?! И дети? Не думаю, чтобы им это понравилось.

При мысли о том, какое лицо будет у Дугласа, когда он найдет на ночном столике записку с объяснениями, куда и зачем она отправилась, Глэдис едва не расхохоталась. Нет, все в прошлом. Леди Золотой Объектив больше нет. Кроме того, в отличие от подруги Глэдис не чувствовала никакой необходимости бороться за свою личную свободу и независимость, и уж тем более — бросать ради этого семью. Она любила мужа, любила детей, и они тоже любили ее. Зачем ей что-то кому-то доказывать?

— Когда ты превратишься в желчную, вечно ворчащую старуху, им это понравится еще меньше, — возразила Мэйбл, и Глэдис вопросительно посмотрела на нее.

— Я?! Я стану ворчливой брюзгой? С чего бы это? — удивилась она. Она никогда не чувствовала себя по-настоящему недовольной своей теперешней жизнью. Она твердо знала, что ее дети не будут оставаться детьми вечно. Она еще сможет вернуться к фотографии...

Если, конечно, Дуг ей позволит.

— Думаю, тебе просто надоеет все до чертиков, — честно ответила Мэйбл. — Как подчас надоедает мне. Пока ты неплохо справляешься, но ты потеряла гораздо больше, чем я. Я ведь простая адвокатесса, да еще по гражданским делам. Ни особая известность, ни тем более слава никогда мне не грозили. А ты — если бы не дети и не семья — уже давно получила бы Пулитцеровскую премию. Может быть, даже не одну.

— Вряд ли, — скромно сказала Глэдис. — Гораздо более вероятно, что я кончила бы, как мой отец. Ему было всего сорок два года, когда его подстрелил снайпер, а ведь он был гораздо опытнее меня. Опытнее и талантливее. Только благодаря этому он получил своего Пулитцера до того, как его убили. И вообще, фотография — это такое ремесло, которым нельзя спокойно заниматься до глубокой старости. Все хорошие фотографы погибают молодыми или уходят.

— И все же некоторым удается добиться всего, — возразила Мэйбл. — Я согласна, что быть домашней хозяйкой гораздо безопаснее, чем разезжать по джунглям с фотоаппаратом в руке. Но представь, что мы с тобой доживем до ста лет. Что, вот так до ста лет и возиться с кастрюльками, убирать, чистить, мыть? И кто вспомнит о нас, когда мы умрем? Только муж и дети!

— Может быть, этого достаточно, — негромко сказала Глэдис.

Мэйбл задавала ей те самые вопросы, которые сама Глэдис не осмеливалась задавать себе, хотя ей не раз приходило в голову, что за четырнадцать лет она не сделала ничего по-настоящему стоящего. Глэдис даже пыталась поговорить об этом с Дугласом, но он ответил, что при одном воспоминании о том, каким опасностям они подвергались, когда были в Корпусе мира, у него до сих пор мороз по коже. Он не желает, чтобы его жена подставляла голову под пули.

— Разве моя работа может как-то изменить мир? — медленно сказала Глэдис. — По-моему, нет никакой особенной разницы, кто снимает голодающих в Эфиопии или раненых в Боснии. Большинству людей это безразлично. Зато то, что я делаю для семьи, небезразлично мне и моим детям. И иногда мне кажется, что это важнее, чем все премии в мире.

В эти минуты Глэдис сама верила в то, что говорила, но Мэйбл с сомнением покачала головой.

— Может быть — важнее, а может быть, и нет, — сказала она с неожиданной резкостью. — Ведь пока ты носишься с градусниками и варишь кашку на молоке, кто-то другой делает снимки, которые должна была сделать ты!

— Ну и пусть! — ответила Глэдис серьезно. — Мне не жалко. Еще не факт, что я сумела бы сделать эти фотографии лучше.

— Во-первых, сумела бы... А во-вторых, почему все удовольствие должно доставаться другим? Ты что, хуже?

Почему ты до скончания веков должна вытирать с пола разлитый яблочный сок, если с помощью своего фотоаппарата ты способна делать настоящие чудеса? Пусть домашней рутинной хотя бы для разнообразия займется кто-то другой. Какая, в конце концов, разница? Ведь сидеть за баранкой машины, загружать в мойку тарелки и разогревать полуфабрикаты в микроволновой печи можно научить даже медведя!

— Я думаю, разница есть, и в первую очередь она касается моих детей и моего мужа, — возразила Глэдис. — Что за жизнь у них будет, если я уеду куда-то за тридевять земель? Пусть даже им будет готовить самый лучший повар из самого лучшего ресторана, у них кусок не полезет в горло, если они будут знать, что, пока они ужинают, я лечу на легкой двухместной «вертушке» над бушующим океаном или лежу в грязи под обстрелом в какой-нибудь треклятой заварушке в Африке. В этом-то вся разница, Мэйбл, и согласись, что разница очень большая.

— Ну, не знаю... — Мэйбл с несчастным видом пожалала плечами. — В последнее время я постоянно думаю о том, что со мной происходит, во что я превратилась и почему я обязана исполнять работу, которая ничего не дает ни уму, ни сердцу и давно мне надоела. Может, мне нужно просто ненадолго сменить обстановку, и все пройдет, а может... Может быть, я боюсь, что никогда уже не полюблю и никогда мое сердце не ухнет куда-то в пустоту и не начнет колотиться как сумасшедшее при виде мужчины, который сидит за столом напротив. Мысль о том, что еще бог знает сколько лет мы с Джеффом будем каждое утро смотреть друг на друга и думать про себя: «О'кей, он, конечно, не идеал, но раз уж мне досталось такое сокровище, придется терпеть», — буквально сводит меня с ума!

Для двадцати двух лет брака это был поистине печальный итог, и Глэдис почувствовала, как ее пронзила острая жалость.

— Брось, ты сама знаешь, что все не так уж плохо.

Глэдис искренне надеялась, что у подруги просто дурное настроение. Чего иногда не скажешь сгоряча. Было бы по-настоящему ужасно, если бы Мэйбл говорила правду.

— Конечно, мы еще не дошли до того, чтобы швырять друг в друга тарелками, но... — Мэйбл как-то подозрительно шмыгнула носом. — Бóльшую часть времени все нормально — так нормально, что хоть вой от тоски! Если бы ты знала, какой Джефф скучный тип! И наша жизнь... она тоже скучная и серая, а через десяток лет, когда мне стукнет шестьдесят, она станет еще скучнее. Что мне тогда делать? Отравиться? Повеситься? Броситься с моста?

— Я думаю, что путешествие в Европу, которое вы задумали, поможет вам обоим, — дипломатично заметила Глэдис. — Ты сама только что говорила, что тебе нужно сменить обстановку.

В ответ Мэйбл только дернула плечом.

— Я в этом очень сомневаюсь, поскольку моя обстановка последует вслед за мной — ведь Джефф и мальчики все время будут рядом, и мне по-прежнему придется о них заботиться. Разве что готовить я не буду, да за рулем меня может сменить Джефф. В остальном же Италия мало чем отличается от нашего пригорода.

— Но, может быть, Джефф... — начала Глэдис, но Мэйбл перебила ее.

— Однажды мы уже ездили в Европу, и Джефф постоянно брюзжал, что французы не умеют водить, что итальянцы не желают ничего знать, кроме своих макарон, и что они загадили в Венеции все каналы. Особенно его раздражает, что там мало кто говорит по-английски и ему приходится объясняться знаками, если меня нет поблизости. Согласись, Глэд, что его вряд ли можно назвать романтиком!

Глэдис знала, что двадцать два года назад Мэйбл вышла замуж за Джеффа, потому что была беременна, но ребенка она тогда потеряла и долго не могла забеременеть вновь. Семь лет она безуспешно пыталась завести ребенка. За это

время Мэйбл сделала неплохую карьеру в своей адвокатской конторе. Но, добившись первого, она потеряла второе, потеряла, видимо, навсегда, так что по большому счету жизнь обошлась с ней гораздо круче, чем с Глэдис.

— Вероятно, — добавила Мэйбл задумчиво, — обедая с другими мужчинами и, гм-м... встречаясь с ними потом, я пытаюсь вернуть себе то, чего Джефф так и не смог мне дать. Мне почти пятьдесят, но я все ишу что-то, на что мой собственный муж оказался не способен.

Тут Глэдис подумала, что романы, которые Мэйбл заводила на стороне, лишь еще больше усиливали ее недовольство собственным положением. Иначе и быть не могло, если допустить, что Мэйбл ищет что-то не существующее на свете или заведомо не доступное ни ей, ни Джеффу. Ведь признаться себе, что определенная страница твоей жизни закрыта раз и навсегда, нелегко. Дуглас тоже давно не являлся к ней с корзиной роз, однако Глэдис не делала из этого трагедии. Она просто подходила к ситуации разумно и не ожидала от мужа подобных экстравагантных поступков, которые, строго говоря, никогда не были в его характере. Зато между ними было что-то другое, что порой согревало ей сердце сильнее, чем самые дорогие подарки.

— Может быть, никто из нас уже никогда не потеряет голову от любви, но это вовсе не значит, что жизнь кончена, — рассудительно сказала Глэдис, однако эти слова неожиданно привели Мэйбл в ярость.

— Чушь! — почти выкрикнула она. — Чушь и бред! Если бы я так считала, я бы, наверное, умерла. Почему, почему я не могу влюбиться? И почему никто не может влюбиться в меня? Потому, что мне пятьдесят? Потому, что у меня трое детей? Почему?! Право на любовь есть у женщины в любом возрасте. Знаешь, почему Розали ушла от Дэна Льюисона? Потому, что по уши влюблена в Гарольда Шлезингера. И он тоже без ума от нее и даже готов жениться на Розали. Именно поэтому Дэн так бесится.

Брови Глэдис от удивления поползли вверх.

— Ах вот, значит, почему Гарольд бросил свою жену! — вырвалось у нее, и Мэйбл утвердительно кивнула.

— Похоже, я действительно перестала замечать кое-что из того, что творится вокруг, — смущенно проговорила Глэдис. — И как это я не подумала, что...

— Все очень просто. Ты самая чистая и целомудренная из нас всех, — поддразнила ее Мэйбл. — Образцовая хозяйка и верная жена. Таких, как ты, у нас запирают в национальные заповедники, и лишь миссис Тейлор по недосмотру властей осталась на свободе.

Это, конечно, была шутка, но в словах Мэйбл Глэдис почудились горькие нотки. Она знала подругу достаточно хорошо, знала, что может в трудные минуты положиться на нее, и сама готова была протянуть руку помощи, если Мэйбл будет в ней нуждаться, но еще никогда они не разговаривали так откровенно. Глэдис знала, что Мэйбл время от времени спит с понравившимися ей мужчинами, но она никогда не упрекала ее, хотя и не понимала, зачем ей это нужно. И вот теперь, кажется, кое-что стало проясняться. Похоже, в душе Мэйбл образовалась пустота, которую ничто не могло заполнить.

— Значит, этого ты хочешь? Бросить Джеффа и уйти к другому мужчине? — спросила она. — И что от этого изменится?

— Возможно — ничего, — согласилась Мэйбл. — Именно поэтому я до сих пор не «ушла к другому мужчине», как ты выражаешься. Кроме того, я, кажется, все еще немножко люблю Джеффа. Мы с ним большие друзья, только... только он меня не возбуждает.

— Не разумнее ли будет оставить все как есть? — спросила Глэдис, раздумывая над тем, что она только что услышала. «Большие друзья» — это надо же!.. — Интерес, желание — все это когда-то у меня было, но я больше в этом не нуждаюсь, — закончила она так твердо, как будто старалась убедить не подругу, а себя.

Но Мэйбл приняла ее слова без возражений.

— Если это действительно так, то тебе очень повезло, — сказала она.

— Нам обеим повезло, — убежденно сказала Глэдис, желая хоть как-то успокоить Мэйбл и заставить ее трезво взглянуть на вещи. Глэдис отнюдь не была уверена, что обед с Дэном Льюисом — или с любым другим мужчиной — был правильным решением. Сначала ресторан, потом — придорожный мотель где-нибудь на полдороге между Гринвичем и Уэстпортом, а что потом? Все то же самое с кем-то другим? Но до каких пор?

Сама Глэдис даже представить себе не могла, что когда-нибудь изменит Дугу с другим мужчиной. И после семнадцати лет брака она не хотела никого другого. Глэдис любила мужа и была очень довольна тем, как складывается их совместная жизнь. Во всяком случае, тех слабых сомнений, что изредка у нее появлялись, было недостаточно, чтобы что-то радикально менять.

— И все-таки я считаю, что ты распорядилась своим талантом, мягко скажем, не лучшим образом, — снова поддела ее Мэйбл, прекрасно зная, где у Глэдис самое слабое место. Лишь раздумывая о своей прерванной карьере, она осмеливалась задавать себе требующие неприятных ответов вопросы. — Тебе необходимо как можно скорее вернуться в фотографию, пока твои реактивы не протухли и сама ты не покрылась плесенью. Иначе когда-нибудь ты очень об этом пожалеешь.

Мэйбл всегда говорила, что у Глэдис — настоящий, большой талант и что зарывать его в землю — преступно. И хотя Глэдис совершенно искренне не считала себя гением, но все же она была способна реально оценить свои силы. И конечно, иногда ей становилось немного жаль, что столько лет потеряно для работы. В таких случаях она обычно говорила, что если захочет, то сможет вернуться к своей профессии несколько позднее, когда дети еще немного подрастут. Пока же у нее попросту не хва-

тало времени, чтобы сделать хотя бы небольшой репортаж.

Однако это была только часть правды. Другая ее часть заключалась в том, что Глэдис старалась лишний раз не злить Дуга, который ужасно раздражался, стоило ей только завести разговор о карьере.

— Кстати, — решила отшутиться она, — если я снова стану фотографом и начну разъезжать по всему миру, ты того и гляди начнешь обедать с Дугом!

При этих ее словах обе рассмеялись, и Мэйбл отрицательно покачала головой.

— За это можешь не бояться, подруга. Твой Дуг — единственный мужчина, которого я считаю еще бóльшим занудой, чем Джефф.

Глэдис снова фыркнула:

— Гм-м, будем считать, что я выслушала комплимент в адрес собственного мужа, хотя звучит он несколько сомнительно.

Тут она задумалась. Дуглас — ее Дуглас — действительно уже давно не принадлежал к числу мужчин, которых можно было бы назвать покладистыми или легкими в общении. Что да, то да, но он все равно был хорошим мужем и прекрасным отцом. И ничего другого Глэдис от него не требовала. Она сразу и навсегда отказалась от рискованных авантур и романтических походов, которые продолжали увлекать некоторых ее подруг; возможно, именно поэтому Глэдис удавалось неплохо уживаться с собственным мужем, рядом с которым Мэйбл, по ее собственным словам, «сдохла бы со скуки».

Но высказать все это она не успела. Прозвучал свисток, матч закончился, и через считанные секунды возле них очутились Сэм и близнецы Мэйбл.

— Отличная игра, сын! — сказала Глэдис, широко улыбаясь Сэму, чье раскрасневшееся лицо все еще блестело от пота. В глубине души она была рада, что обстоятельства помешали продолжить разговор, начинавший ее тяготить.

«И почему, — снова задумалась Глэдис, — каждый раз, когда мы с Мэйбл встречаемся, мне приходится защищать себя и свой брак?»

— Но, мама, мы же проиграли!.. — возмутился Сэм, однако это не помешало ему обхватить ее обеими руками и обнять так крепко, что Глэдис всерьез испугалась за сохранность фотоаппарата, висевшего у нее через плечо.

— Но ведь ты получил удовольствие, правда? — спросила она, целуя сына в макушку. От волос Сэма все еще шел запах, который она так любила — запах свежего воздуха, шампуня и солнечного света. В представлениях Глэдис, это был настоящий запах детства.

— В общем, да, — с готовностью согласился Сэм. — И потом, я забил два гола! Ты видела, мам? Скажи, видела?!

— Конечно, видела, — улыбнулась Глэдис. — Значит, игра удалась, не так ли?

Сэм кивнул, и все вместе они медленно пошли дальше вдоль края поля, направляясь к автостоянке. Близнецы Мэйбл собирались в город есть мороженое, и Сэм захотел к ним присоединиться.

— Мы не можем, — покачала головой Глэдис. — Нам еще надо успеть забрать из школы Эйми и Джейсона.

Сэм разочарованно застонал, но Глэдис была непреклонна. Прощально махнув рукой Мэйбл и ее мальчикам, она села за руль своего семиместного универсала, который они между собой называли автобусом. Собственно говоря, это и был небольшой микроавтобус, только последние четыре сиденья были сняты, чтобы освободить место для багажа.

Сэм тут же стал переодеваться, а Глэдис снова задумалась. Да, поговорили весьма откровенно. Судя по всему, Мэйбл еще не утратила умения эффективно вести перекрестный допрос.

Заводя мотор, Глэдис бросила взгляд в зеркало заднего вида, в котором отражалась мордашка Сэма. Сын выглядел усталым, но довольным. На щеках темнели грязные

разводы, светлые волосы были растрепаны и торчали во все стороны, а локти были зелеными от травы. «Вот и от-вет, — усмехнулась Глэдис. — Вот почему я не скитаюсь по южноамериканской сельве или австралийскому бушу. Я нужна моим детям, а они нужны мне. Что с того, что жизнь иногда кажется мне немножечко скучной?»

Заехали в школу за Эйми и Джейсоном и все вчетвером вернулись домой. Джессика тоже только что вернулась — на кухонном столе валялись высыпанные из сумки учебники и стоял наполовину пустой пакет из-под картофельных чипсов. Пес вертелся под ногами, радостно лаял и вилял хвостом, а на втором этаже гремела включенная на полную мощность музыка. Это и была жизнь, которую Глэдис сама для себя выбрала. Фотография подождет. Мыслимо ли, бросить Дуга и детей на произвол судьбы, чтобы отправиться вокруг земного шара в поисках сногшибательных сюжетов? Нет, это все равно что сидеть сразу на двух стульях. Всем известно, чем кончаются подобные попытки.

— Что у нас на ужин? — громко спросил Джейсон, стараясь перекричать музыку и громкий лай собаки. Он посещал секцию легкой атлетики и постоянно умирал от голода.

— Бумажные салфетки и мороженое, если только вы не уберетесь из кухни и не дадите мне пять минут, чтобы все приготовить, — быстро ответила Глэдис.

Джейсон сташил со стола яблоко и, схватив собаку за ошейник, выволок ее из кухни. Услышав, как хлопнула дверь, Глэдис улыбнулась. Джейсон, как две капли воды походивший на своего отца, рос спокойным и покладистым мальчиком. Он отлично учился, занимался спортом и никогда не причинял родителям беспокойства. Только в прошлом году он открыл для себя, что в мире существуют девочки, однако до сих пор самым большим его достижением на этом поприще было несколько робких телефонных звонков. Договориться с ним, во всяком случае, было гораздо проще, чем с его четырнадцатилетней сестрой. Глэдис в шутку говорила, что та непременно станет адвока-

том по урегулированию трудовых споров. Джессика бросалась на защиту каждого, кого, по ее мнению, притесняли, и не боялась спорить даже с матерью, до конца отстаивая свое мнение. Глэдис это нравилось.

— Ну-ка, брысь! — прикрикнула она на пса, который снова просунул голову в кухонную дверь, и повернулась к холодильнику. Открыв морозильник, Глэдис ознакомилась с его содержимым и виновато вздохнула. На этой неделе они уже дважды ужинали гамбургерами и один раз — мясным рулетом, а больше ничего в морозильнике не оказалось. Увы, в кулинарии Глэдис была не то чтобы полным профаном, но воображения ей часто не хватало. К концу учебного года ее фантазия истощалась полностью. Слава богу, на носу было лето, когда дети питались в основном мороженым, соками и хот-догами.

Наконец, о счастье, Глэдис обнаружила в дальнем углу холодильника упаковку замороженных цыплят, которую тут же засунула в микроволновку, а сама принялась чистить кукурузу. Пока ее руки делали привычную механическую работу, она снова мысленно вернулась к разговору с Мэйбл. И все же сожалеет она о своей карьере или нет? Ерунда! Вспоминая свою очаровательную четверку, Глэдис ни секунды не сомневалась, что не могла бы отказаться от детей ради карьеры. А раз так, значит, она в ответе перед детьми и мужем, и если Мэйбл считает ее скучной, что ж... дело десятое.

Глэдис дочистила последний початок и, засыпав кукурузу в кастрюлю с кипящей водой, достала из микроволновки разморожившихся цыплят. Посыпав их солью и полив майонезом, она отправила их обратно и удовлетворенно вздохнула. Ей оставалось только отварить рис, нарезать салат, и — опля! — ужин на всю ораву готов. За четырнадцать лет Глэдис научилась-таки готовить быстро. Правда, она никогда не баловала детей разносолами, зато простая и здоровая пища всегда была готова у нее вовремя.